

ПОХИЩЕННАЯ ПАРТИТУРА

Литрес

Гоар Маркосян-Каспер Калле Каспер Похищенная партитура

<https://litres.ru/74182883>

SelfPub; 2026

Аннотация

Путешествующих по Италии супругов – Калева и Диану Кару – штрафуют в поезде, поскольку они забыли прокомпостировать билеты. Поселившись в арендованной квартире, супруги вечером отправляются в театр на оперный спектакль. Вернувшись поздно, они с ужасом обнаруживают в подъезде труп мужчины. Посмотрев в лицо, оба узнают контролера, их оштрафовавшего. Когда приезжает полиция, оказывается, что в доме совершено еще одно преступление: у хозяина квартиры, взятой в аренду, флейтиста оперного театра, похищен найденный им совсем недавно раритет – партитура утерянной оперы Джузеппе Верди.

Диана и Калев попадают под подозрение.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Похищенная партитура

Глава

Мостки тянулись посередине улицы и на них топталась куча народа, именно топталась, потому что нормально пройти не мог никто, столько здесь скопилось людей, многие с чемоданами, что еще больше сбивало темп. А слева и справа от мостков шлепали по колено в воде те, кто или очень торопился, или имел резиновые сапоги, или наплевал на то, что ноги промокнул.

Супруги Кару в число смельчаков не входили и смирно продвигались вперед по мосткам, продвигались, как сказано, медленно, и поэтому слегка нервничали, ибо боялись опоздать на поезд, или прошляпить бангладешца, которого портье по просьбе Калева вызвал к гостинице, когда стало ясно, что с чемоданами им самим в таких условиях до вокзала не добраться. Когда они утром, сразу после завтрака, пошли попрощаться с Риальто, мостки только сооружались, а улица была сухая, но при возвращении на узкой мостовой – или широком тротуаре, как хотите, ведь машины по Венеции не ездят – уже появился тонкий слой воды, оказавшейся для Канал Гранде лишней. У Дианы ёкнуло сердце, а Калев засутился, отправил жену наверх собирать вещи, сам же начал совещаться с портье о возможности приглашения на помощь

портера – не пива, а того самого бангладешца, который, в итоге, нагрузил их чемоданами свою тележку, предварительно поторговавшись с Калевом относительно оплаты.

– Портье сказал, пять евро.

– Пятнадцать, высокая вода.

Сошлись на десяти, бангладешец с тележкой и чемоданами исчез, а супруги Кару, как американские миллионеры, без вещей, если не считать сумочки Дианы, гордо прошеествовали до мостков и влились в нескончаемый поток путешественников. Прямо перед Калевом очутился огромный англичанин с почти столь же огромным чемоданом. Что это англичанин, Диана определила по бейсбольной шапочке туриста, на которой красовалась информационная надпись: «Ливерпуль». Англичанин шел еще медленнее, чем другие, но обогнать его по узким мосткам не представлялось возможным, и все, что было в силах Дианы – это пожелать ему споткнуться и упасть в воду вместе со своим чемоданом, чего, увы, так и не произошло.

– И где же наш портер? – нервно спросил Калев, когда они наконец сошли с мостков у четырехзвездочной гостиницы «Беллини», где им никогда не приходилось останавливаться (и, заметим, не придется).

– Не бойся, не пропадет, – успокоила Диана мужа.

И, действительно, через несколько минут они уже катили свои чемоданы, Калев – большой, Диана – маленький, по перрону, у которого стоял готовый к отправлению поезд. Он

был региональный, так что можно было выбрать любой из вагонов, но Калеву не нравилось сидеть в «хвосте», и он остановился только где-то посередине состава.

Первым поднялся муж, поставил свой чемодан на пол тамбура, схватил у Дианы второй, втащил и его, а затем протянул ей руку, за которую Диана с удовольствием ухватилась – ступеньки были высокие, не для таких гномов, как она.

В вагоне, обнаружив пустой отсек, Калев уложил маленький чемодан на полку, а большой, тяжелый, кое-как пристроил на полу, наполовину в проходе. Диана уселась у окна, Калев рядом, и оба – лицом к Болонье – следующей точке назначения.

Супруги Кару находились в оперном турне, не как певцы, разумеется, а как зрители. Вчера они послушали в «Ла Фениче» «Макбетто», как они оба упрямо называли оперу Верди «Макбет» по той причине, что к главному герою на сцене все обращаются по-итальянски: даже ведьмы, и те поют: «О, Макбетто, Макбетто, Макбетто!», а сегодня им предстояла встреча с самой-самой любимой их оперой, «Путешествие в Реймс» Россини. Вспомнив об этом, Диана, как всегда, расчувствовалась – бедный Россини, ведь на премьере опера провалилась, и раздосадованный автор отложил партитуру в самый долгий ящик, где – точнее, в какой-то библиотеке – ее случайно обнаружили через сто пятьдесят лет, и оказалось, что это абсолютный шедевр, «опера опер», как супруги ее называли. А ведь могли и не обнаружить...

Замечтавшись, Диана не заметила, как к их отсеку подошел небольшого роста юркий брюнет в легкой куртке, в легком свитере и с модной щетиной на лице, спросил что-то у Калева по-итальянски, услышал ответ: «*Sì*», – ловко пролез мимо чемодана и рухнул на сидение напротив. Вид у него был утомленный, мешки под глазами, видно, пировал человек вчера, подумала Диана. Она решила, что сосед свернется клубочком и уснет, но тот вместо этого бросил взгляд на сидение рядом с собой, последнее свободное в их отсеке, поднял с него газету и, внимательнее посмотрев на Калева, спросил теперь уже на английском:

– Sorry, it is your newspaper?

На что Калев решительно ответил с итальянским произношением:

– No.

Калев Кару делал героические попытки овладеть языком любимой страны. После первой же поездки супругов на их «землю обетованную» он отправился в магазин, купил несколько самоучителей, и с тех пор не произнес на территории Италии ни одного слова по-английски, чем иногда вызывал немалое удивление портье и официантов, которые все научились свободно талдычить на современном *lingua franca*. Но Калев не отступал, и, бывало, беседы о меню или о подушках, которых в номере вечно не хватало (супруги любили держать голову высоко не только в переносном смысле) проходили в духе абсурда – они ему на английском, он им –

на итальянском.

Диана с испугом подумала, а что будет, если кто-то еще захочет к ним подсесть, куда в таком случае деть чемодан – вверх в багажное отделение муж со своим хроническим радикулитом его не поднял бы. Она тревожно огляделась – вагон был почти заполнен. Рядом, в другом отсеке она заметила знакомого верзилу в кепке «Ливерпуль» – тот словно преследовал их (не они же его). Впрочем, англичанин, кажется, был популярной личностью, потому что коротышка, подняв взгляд с передовицы, бурно его поприветствовал; тот ответил надменным кивком.

И тут, к счастью, поезд тронулся.

Коротышка снова увлекся газетой, а Диана обратила взгляд на залив – еще одно прощание с Венецией. Любимый город любимой страны, гордая республика, несшая на своих плечах бремя цивилизации в течение всех «темных веков», олицетворение прекрасного! С какого-то момента, точнее, с первого посещения, Диана не представляла свою жизнь без того, чтобы... ну, хотя бы раз в три года не увидеть Канал Гранде, площадь Святого Марка, дворец Дожей... Не посмотреть с Риальто в сторону лагуны... Ох, какая безумная красота!

К тому моменту, когда она наконец отвернулась от окна, коротышка успел просмотреть первую полосу, и, кажется, заметить на ней любопытный материал, ибо произнес нечто вроде: «Ого!», – перевернул несколько страниц и углубился

в текст. Первая страница, таким образом, оказалась перед Дианой, и она увидела знакомое фото.

– Что там о Верди написано? – шепнула она Калеву, указав незаметно в сторону газеты.

Супруг перевел рассеянный взгляд (наверно, писал в голове очередной роман) на статью, и неожиданно оживился.

– Представь себе, найдена партитура «Короля Лира»!

– Что ты говоришь! Кто нашел и где?

Историю о том, как Верди несколько раз собирался сесть за «Короля Лира», даже вроде заказал либретто, но, в итоге, оперу не написал, или, если и написал, хотя бы частично, то уничтожил, они знали хорошо. Верди был к себе чрезвычайно требователен, после него не осталось ни одного чернового наброска, все поглотил камин усадьбы Санта-Агата, туда же, как полагали, отправились и те отрывки «Лира», которые маэстро успел сочинить. Время от времени высказывались догадки, что возможно, он, все-таки, закончил оперу, может, даже спрятал где-то партитуру, но доказательств никто предъявить не смог, и молва утихла.

Калев слегка наклонился – супруг был близоруким.

– Некий болонский музыкант нашел в семейном архиве, он потомок нескольких поколений артистов и композиторов, его прадед, дирижер, хорошо знал Верди.

Волнение Дианы росло, это было что-то похожее на то, что произошло с «Путешествием в Реймс», то есть, «находка века».

Калев тем временем усиленно пытался прочесть еще что-то.

– Знаешь что странно, этого музыканта зовут точно так же, как и нашего болонского хозяина, – заявил он вдруг.

– А что тут странного! – воскликнула Диана. – Ты что, не помнишь, как называется наша квартира: «Акоммодационе Верди»? Все логично..

– Ну, еще непонятно, он ли это, или однофамилец.

– Наверняка он. Как здорово! Может, он покажет нам партитуру?

Ответить Калев не успел, потому что в вагоне началось шевеление, пассажиры потянулись к карманам, начали открывать сумочки. Диана огляделась – по коридору в их сторону шел высокий широкоплечий брюнет в мундире.

Калев тоже заметил его, и ударил себя рукой по лбу.

– Я забыл прокомпостировать билеты, – произнес он замогильным голосом.

Из вагона супруги Кару вышли в растрепанных чувствах – кроме того, что штраф нанес немалый урон их бюджету, они еще ощущали себя униженными. Они ведь прекрасно знали, что билеты необходимо прокомпостировать, неоднократно ездили на региональных поездах, можно даже сказать, в основном на них и ездили, ибо те, хоть и медленные, были... ну не то что совсем дешевыми, но значительно дешевле скорых, а супруги сэкономили на всем, иначе они никак не могли

бы два-три раза в год посещать свою «духовную родину». На этот раз, чтобы достойно отметить день рождения любимой жены, Калев выложил весь гонорар за только что вышедший роман, и винил теперь себя за рассеянность. Уговоры Дианы, что причина не в нем, а в наводнении, которое вышибло их из привычной колеи, не действовали, супруг был безутешен.

Но если Калев обвинял только себя, то Диана кипела от ненависти. Какой все-таки гад этот контролер! Он же видел, что имеет дело с чужестранцами, и притом с такими, которые, чтобы проявить уважение к его стране, выучили итальянский... тут она немного преувеличила, выучил один Калев, но разве этого мало? Калев извинился перед контролером на своем красивом итальянском, грамматику он знал плохо, но произношение у него было великолепное. А когда муж предъявил билеты, стало очевидно, что они не «зайцы», ведь не могли же они вернуться обратно в Венецию, чтобы во второй раз ими воспользоваться. Даже коротышка вступился за них, стал пререкаться с контролером – у Дианы содалось впечатление, что они знакомы – говорил, что это туристы, надо их простить, но контролер только кивнул в сторону англичанина – вот, дескать, тоже турист, но знает, как положено, и невозмутимо, можно даже сказать, с садистским удовольствием выписал штраф.

– Чтоб он сдох! – подумала Диана.

Всю остальную дорогу коротышка старался спасти репутацию соотечественников, он извинялся за поведение кон-

тролера, объяснял, что начальство требует от них «результатов», а затем постарался перевести разговор на другую тему, спрашивал, откуда гости, радостно воскликнул: «О, Эстония, Таллин, знаю!» Выяснив, что Калев писатель, он возбуждался еще больше и признался, что тоже пишет стихи и даже выпустил два сборника. В итоге, ему удалось вовлечь Калева в беседу, правда, говорил, в основном, коротышка, он успел пересказать чуть ли не всю свою жизнь: выяснилось, что со вторника до пятницы он трудится в Венеции, в некоей галерее, а выходные и понедельник проводит в Болонье, с семьей, которая состоит – даже это он успел разболтать – из жены и маленькой дочери Изабеллы, которую он обожает. Ну и так далее. Диане скоро надоело их слушать, и она просто сидела и смотрела в окно, за которым нудно тянулось однообразный ломбардский... или это не Ломбардия?... а что? Эмилия-Романья?... неважно, все равно однообразный пейзаж – «луга и нивы золотые», точнее, поскольку осень, то серо-буро-каштановые.

В Болонье коротышка, поднявшись с места, вручил Калеву визитку, Калев стал искать свою, естественно, не нашел сразу, народ уже толкался в проходе, англичанин снял с полки свой огромный чемодан и чуть не стукнул им коротышку по голове, тот убедился, что дальше в таком положении оставаться небезопасно, извинился, что торопится, распростился и убежал, а Калев снова помрачнел – вспомнил про штраф.

О том, чтобы взять такси, после такой потери не было и речи, и в свое съемное жилище супруги отправились пешком, хоть и находилось оно достаточно далеко, в районе оперного театра; впрочем, именно по этой причине, больше, чем из-за названия, они его и выбрали. Солнце светило всюду, и, хоть стоял ноябрь, дни были жаркие, особенно, если катишь чемодан... хорошо не тащишь... Но они спрятались в галереях, знали уже, что по Болонье можно ходить километрами, не вылезая на пекло летом и под дождь зимой, очень удобно, сразу видно – город ученых. И зачем они болонью придумали, если есть галереи? Впрочем, когда приходится бороться со стихиями, лишних изобретений не бывает.

Время от времени Калев останавливался и сверял по карте, правильно ли они идут. Диана в этот короткий промежуток времени пыталась отдышаться – супруг развивал бешеную скорость.

– Как называется улица, на которой мы будем жить? – спросила Диана, когда очередная передышка завершилась и Калев стремительно рванулся вперед.

Калев не стал напоминать ей, что она сама выбрала квартиру, могла бы и помнить.

– Виа дель Инферно[1]¹, – ответил он мрачно.

Пахнет серой, подумала Диана.

Наконец, они дошли. Улица оказалась узкой и темной, а дом старым, с облезшей краской. Изучив список жильцов ря-

¹ Inferno – ад (итал.)

дом с подъездом, Калев недовольно хмыкнул, и отправился дальше. Диана покорно последовала за ним. Они прошли мимо парикмахерской, занимавшей первый этаж, и, в другом конце дома, нашли еще одну дверь. На этот раз инвентаризация фамилий, кажется, дала желаемые результаты, ибо Калев нажал на звонок. Однако ничего не произошло. Он позвонил еще раз – снова безрезультатно, затем вздохнул и вынул мобильник, который Диана подарила ему на Новый год. Ха-ха, а еще раскритиковал меня, что я покупаю ненужные вещи, подумала Диана.

Калев, тем временем, дозвонился, поговорил секунд десять, и отключился.

– Subito, – сказал он.

– Что это значит?

– Сейчас явлюсь.

Диана вздохнула – она знала, что «сейчас» у итальянцев может означать и четверть часа, и полчаса, а в иных случаях даже час. Нет, поправила она себя сразу, до часа все-таки не доходит; но полчаса, бывало.

– И далеко он живет?

– Понятия не имею.

Она стала оглядываться по сторонам, чтобы определить откуда явится хозяин, но тут случилось непредвиденное – открылась дверь, перед которой они стояли, и на пороге появился серенький человечек, небольшого роста, скорее за шестьдесят, чем моложе, скорее лысый, чем с пышной шеве-

люрой, и от того, что он никуда не собирался отправляться, а смущенно смотрел на них, Диана поняла, что сия невзрачная личность и есть хозяин. Она вспомнила контролера – вот тот был красавчик, и даже красавец. Правда, лицо его было потасканным – этакий мачо в прошлом, но по сравнению с хозяином он все равно выглядел как кинозвезда.

Последовали обычные для такой ситуации улыбки и приветствия.

– Хай! – сказал хозяин. – My name is Carlo Fabiani.[2]²

– Буонджорно, – отреагировал Калев. – Mi chiamo Kalev Karu[3]³.

Не сказать ли мне: «Tere päevast!»[4]⁴ подумала Диана, но решила поддержать мужа и повторила за ним:

– Буонджорно! Диана.

Хозяин как-то пугливо посмотрел на них, словно размышляя, можно ли таких странных иностранцев, объясняющихся на итальянском, вообще пускать в дом – а что, если это замаскировавшаяся налоговая полиция? – , но от двери все-таки отошел.

Войдя в дверь, они оказались на небольшом пяточке (спасибо), приблизительно в восемь квадратных метров, не больше, с каменным полом, откуда наверх вела довольно крутая и тоже каменная лестница.

² Здравствуйте! Меня зовут Карло Фабиани (англ.)

³ Здравствуйте! Меня зовут Калев Кару (ит.)

⁴ «Добрый день!» (эст.)

Хозяин выхватил чемодан у Дианы и, медленным шагом, прошествовал первым, супруги последовали за ним.

Поднявшись на пиано нобиле, как в Италии называют второй, или, если попробовать перевести буквально, «благородный» этаж (первый там вообще этажом не считают, это так, для кучеров и консьержек) – Диана увидела небольшой коридор и две двери, первая из которых была приоткрыта. Хозяин показал на нее и сказал что-то, но Диана не расслышала.

– Что он говорит? – переспросила она у Калева.

– Здесь живет он.

Фабиани как будто понял, что именно Диану интересует, так как он повторил на вполне сносном английском:

– Здесь живу я, если что, обращайтесь смело. А ваша квартира...

Диана с надеждой посмотрела в сторону второй двери, но, увы, хозяин повернулся лицом к следующему пролету лестницы, еще более крутому, чем первый, и к тому же деревянному, отполированному до блеска, то есть, наверняка скользкому.

– Вон там...

Диана вздохнула.

Когда они добрались наверх, хозяин указал налево:

– Вот эта – ваша квартира.

Мог бы и не говорить, подумала Диана, дверь была единственной, если не считать таковой от шкафа прямо напротив лестницы, в котором, очевидно, хранились ведра, щетки и

прочее хозяйственное добро.

Хозяин повертел ключ в замке, и они вошли. Это была мансарда, и Диана сразу подумала, что лет сто назад здесь наверняка обитали слуги. По метражу, обозначенному в интернете, у нее создалось впечатление, что жилье, хоть и однокомнатное, так называемая студия, должно быть довольно просторным, и теперь она с разочарованием констатировала, что ошиблась: в узком пространстве с трудом поместились кровать, небольшой стол, за которым можно было свободно пить кофе, но обедать – с трудом, старое, некогда кожаное, а теперь потертое – прямо как лицо контролера – кресло, пара стульев и так называемый кухонный уголок, состоящий из газовой плиты и холодильника. Неужели обман, подумала она?

Загадка разрешилась, когда хозяин открыл дверь в ванную комнату – она была огромная, роскошная, такая, о какой Диана всегда мечтала, с мраморной ванной и такой же раковиной, над которой висело зеркало в красивой, с витиеватой резьбой раме.

Ее настроение поднялось.

Хозяин и Калев начали разбираться с ключами, купюрами, документами, квитанциями и прочим неизбежным злом, а Диана проверила, все ли тут есть, что нужно для жизни – полотенца, подушки, одеяла, кухонная утварь... Подушек, на первый взгляд, оказалось лишь две, чего явно было мало, но, открыв стенной шкаф, в начале незамеченный, она об-

наружила и дополнительные подушки, и даже одеяла. Мысленно составив реестр, она огляделась. Хозяин что-то оживленно объяснял Калеву. За долгие годы, что супруги каждый вечер слушали оперу, слух Дианы привык к итальянскому, и хоть она не осмелилась бы произнести на этом языке ни одного предложения, тем не менее более или менее понимала о чем шел разговор. Оказывается, хозяин расхваливал Калеву какой-то ресторан, показывал буклет и говорил, что, если они захотят, он немедленно позвонит и забронирует им на вечер стол, притом они получают скидку.

Неужто убедит, с ужасом подумала Диана, но Калев, терпеливо выждав, когда хозяин закончит, поблагодарил и сказал, что, к сожалению, они никак не могут принять щедрое предложение, потому что вечером отправляются в оперу.

– В оперу? – недоверчиво переспросил хозяин, он словно не мог поверить, что какие-то туристы с дикого Севера итальянской кухне могут предпочесть итальянскую оперу.

– Да, – кивнул Калев.

И тут Диана решила, что пора задать судьбоносный вопрос:

– Простите, а это случайно не вы нашли партитуру «Короля Лира»?

Фабиани прямо ошалел, он тупо таращился на Диану, и смог только спросить в ответ:

– Откуда вы знаете? Вы что, музыковеды?

– Да нет, мы обычные меломаны, – рассмеялась Диана. –

А про партитуру прочли в газете.

Фабиани засуетился.

– Одну минутку, – сказал он, – я сейчас вернусь.

И ушел, оставив дверь открытой.

Диана начала раскладывать вещи, а Калев подошел к стене и стал там что-то изучать.

– Ты знаешь, тут много интересного! – воскликнул он.

Диана отложила распаковку и присоединилась к нему. Да, на стене висело множество раритетов: старые оперные программки, фотографии, прямо целая выставка. На одном снимке Диана заметила Верди, уже старенького, с белой бородой, среди каких-то людей, он сидел в центре, а остальные группировались вокруг него.

– Как ты думаешь, прадед нашего хозяина тоже тут? – спросила она.

Ответить Калев не успел, потому что послышались шаги. Они одновременно обернулись. Тяжело дыша, вернулся хозяин, в руках у него была большая папка. Он положил ее на стол.

– Вот, посмотрите!

Супруги подошли и взглянули на папку. На ней неуверенной рукой пожилого Верди было написано: «Джузеппе Верди. «Король Лир»».

Фабиани раскрыл папку на первой странице, и Диана с трепетом увидела портрет Верди с посвящением и автографом.

– Это – подарок моему прадеду, – гордо заявил хозяин.

Он перевернул несколько страниц, замелькали ноты, снабженные разными пометками: *con espressione... tutta forza... dolce...*

– Если хотите, могу вам завтра проиграть на фортепиано пару номеров. Это большая музыка! *La grande musica, grandissima!*

– А как случилось, что вы это только сейчас обнаружили? – поинтересовался Калев.

– О, у меня столько партитур! Библиотека и прадеда, и деда, и отца, и мои собственные ноты... Совершенно случайно начал искать одну редкую оперу Карло Кочча, и наткнулся вот на это...

Затем он резко захлопнул папку.

– Простите, но я вынужден удалиться. Вечером спектакль, я играю в оркестре. Должен подготовиться, отдохнуть. До встречи в театре!

И он вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Они распаковались, немного отдохнули, затем Диана занялась обедом, макароны они купили в Венеции, а суп в пакетиках взяли еще в Таллине – на ресторан супруги тратились только в самом крайнем случае. Когда вода для макарон закипела, Диана вдруг обнаружила, что в квартире нет соли: пришлось сбегать вниз и попросить у хозяина, который, с огромными извинениями, выдал ей целую пачку.

Калев все это время лежал на кровати и пялился в потолок, наверняка в очередной раз с горечью вспоминая, как он забыл прокомпостировать билеты.

Они отобедали, Диана вымыла посуду, дома это делал Калев, но в путешествии она предоставила мужу «отпуск», у того и так было полно забот: билеты, адреса, багаж. Калев снова лег на кровать и начал решать sudoku, Диана, сняв, наконец, привезенные с собой резиновые перчатки, уселась в кресле и открыла ридер, чтобы продолжить чтение очередного детективного романа, начатого в Венеции, но через некоторое время тревожно спросила:

– А не пора ли нам собираться?

Супруги любили приходить в оперу загодя и одеваться не торопясь.

Калев бросил небрежный взгляд на часы, подаренные Дианой на день рождения.

– Времени полно.

– Но мне надо еще погладить блузку.

Когда они вышли, было уже темно. В доме стояла тишина, Фабиани, скорее всего, отправился в театр пораньше, из соседней с ним квартиры тоже не доносилось ни звука.

На улице, при свете фонаря, Диана бросила взгляд на табличку с именами жильцов. Кроме «Акоммодационе Верди» там значилось две фамилии: Фабиани и Сантелли.

– Интересно, кто этот Сантелли? – спросила она.

– Какой Сантелли?

– Тут написано: Сантелли. Наверно, он обитает в другой квартире.

– В какой другой?

– В той, которая рядом с квартирой Фабиани.

– Да? Там была еще одна квартира?

– А ты что, не заметил?

– Ну, после холодного душа, который мне достался в поезде, не стоит ожидать, чтобы я относился к окружающему миру с напряженным вниманием.

– Ты все еще думаешь об этом? А я уже забыла.

И Диана нежно пожала руку мужа, за которую она держалась.

Они все равно пришли слишком рано, двери театра еще не открылись, и в галерее топталось не больше десятка меломанов, среди которых Диана узнала...

Она вздохнула.

– Смотри, Ливерпуль тоже здесь, – шепнула она Калеву.

– Какой Ливерпуль? – удивился муж.

– Тот англичанин, который шел по мосткам впереди нас, а в поезде сидел недалеко – через проход.

– Да? А я и не заметил. Но почему Ливерпуль?

– На его бейсболке красуется соответствующая надпись. Надеюсь, в театре он ее снимет. Вообще странно, что он явился сюда.

– А что тут странного, – флегматично обронил муж – У англичан собственной оперы нет, вот и слушают итальян-

скую.

Заметно больше народу было на площади перед театром, тут собиралась местная молодежь, они стояли маленькими группками, без зазрения совести галдели и слушали свои плееры, из которых доносился шум, ничего общего с музыкой Верди или Россини не имеющий. Непонятно, что тут пили и чем вообще занимались, но тошнотворно пахло смрадом, и Диана сморщила нос.

Впрочем, это было им не в новинку, супруги гостили в Болонье во второй раз, и в прошлый тоже ходили в театр. Даже бомж, которого Диана в тот раз заметила и запомнила, оказался на месте, сидел в углу галереи на куче тряпья, грязный, в лохмотьях, а рядом с ним устроилась огромная овчарка. Диана боялась и собак, и бомжей, и ее потянуло в обратную сторону.

– Давай, прогуляемся.

Они несколько раз прошли медленным шагом до угла следующего дома и обратно. На последнем отрезке Диана заметила еще одного запомнившегося с прошлой поездки персонажа – быстрым шагом передвигающегося нищего, одетого под клоуна, во фраке и с черным цилиндром, который он изящно совал под нос прохожим, Впрочем, как будто без обнадёживающего результата, от супругов Кару ему, во всяком случае, не досталось ни цента.

– Как тут все-таки много нищих, – сказала Диана, вспомнив про встреченный ими в прошлый раз добрый десяток

крупных негров, бессовестно попрошайничающих, вместо того, чтобы разгружать вагоны, и немалое число албанок, лежащих ниц на тротуарах.

– Да, это тебе не Советский Союз, – хмыкнул муж.

Когда они вернулись, двери оперы были открыты, и они вошли.

– Смотри, наш хозяин! – шепнула Диана, когда закончился их любимый секстет и на сцену вышел флейтист.

– Надо же, оказывается, виртуоз, – пробормотал Калев.

Калев был прав, сыграть «Забытую мелодию для флейты» (учитывая перипетии «Путешествия», этот номер вполне заслуживал такого названия) мог только виртуоз. На самом деле, Диане не нравились инструментальные куски в опере, исключение она делала лишь для увертюр, и скрипичного соло перед четвертым актом «Ломбардцев в Первом крестовом походе» – целый маленький концерт, доказывающий, что если бы Верди вместо опер писал симфонии, он бы и в этом жанре всех переплюнул. Однако, в целом, Диана считала, что опера – это опера, главное тут вокал, а функция оркестра состоит в том, чтобы деликатно аккомпанировать певцам. Но на этот раз она относилась к этому, действительно сложнейшему номеру иначе, все-таки исполнял его знакомый человек, и если обычно ее бесило, что именно такие, по ее мнению инородные, если не сказать лишние, отрывки срывают особо бурную овацию, то на этот раз, когда

флейтист закончил свое выступление, она захлопала вместе со всеми.

Наконец зал стих, на сцене появился следующий персонаж по имени лорд Сидней, и Диана уставилась на него.

– Дай мне, пожалуйста, бинокль, – шепнула она.

Когда во время путешествия намечался поход в оперу, Калев непременно совал в чемодан бинокль, супруг был близорукий, и без этого инструмента обойтись никак не мог. Диана обычно удовлетворялась собственными глазами, но для черт лиц на таком расстоянии – супруги сидели на галерее – их оказалось недостаточно.

– Нет, не он, но очень похожий, – шепнула она, возвращая бинокль.

– Похожий на кого?

– На Ливерпуля.

В последнее время вошло в моду, на роль персонажа-иностранца (при наличии оного) приглашать его соотечественника. Диане это казалось дикостью, главное ведь не кто поет, а как, пели же такие гости обычно значительно хуже итальянцев. Лорд Сидней тоже пел плохо, но публика тем не менее наградила его аплодисментами, наверно, из вежливости.

К антракту Диана успела забыть о лорде, а Калев, кажется, даже о штрафе, настолько замечательным оказался финал акта. Настроение у обоих было приподнятое – «Путешествие в Реймс», подумала Диана, это всегда праздник, самая жизнерадостная, самая воздушная опера; открыто Диана не при-

зналась бы, но в душе она нередко думала, что любит Россини даже больше, чем Верди – наверно, музыка «пезарского лебедея» соответствовала ее натуре.

Антракт длился, как всегда в Италии, долго, полчаса или даже больше, они прогулялись по фойе, затем разок вышли на улицу подышать свежим воздухом, но там все еще продолжалась тусовка, и они быстро вернулись.

Второй акт прошел также бурно, только концовка – панегририк французскому королю Карлу Восьмому, который Диана считала анахронизмом, как всегда, немного разочаровал – нет, чтобы кому-то пришло в голову написать новый текст, восхваляющий самого Россини.

Надо было сказать об этом коротышке, он ведь как бы поэт, вспомнила Диана спутника по поезду, но тут аплодисменты стихли, и они встали.

Закаленные таллиннским климатом, супруги пришли в театр без верхней одежды, в пиджаках, и благодаря этому им не пришлось после спектакля, в отличие от мерзляков-итальянцев, сворачивать в гардероб. Шпана на площади никуда не делась, но настроение Дианы было настолько приподнятым, что испортить его не мог никто, она только подумала на секунду, как жаль, что нет уже галер, посадить бы всю эту компанию за весла, хоть какая-то от них польза.

Но галер не было, они жили в постиндустриальном обществе.

Они прошли мимо бомжа, устроившегося ночевать под

открытым небом, свернули на улицу, ведущую к их квартире, и чуть было не столкнулись с клоуном, который поспешно приближался к театру со стороны их дома, наверняка надеясь на подношения оперной публики. Театрально извинившись, клоун обошел их, а супруги медленным шагом отправились дальше.

Стоял теплый приятный ноябрьский вечер, торопиться было некуда, и жизнь на минуту предстала во всей своей красе. Калев напевал финал первого акта, а Диана, как обычно после спектакля, почувствовала голод.

– Ужасно есть хочется, – сказала она, когда они дошли до дома, и Калев достал ключ.

– Сейчас покушаем, – ответил муж меланхолично.

Он хотел вставить ключ в скважину, но остановился.

– Дверь не заперта. Неужели я оставил ее открытой?

– По-моему, нет.

– Да? Это хорошо, сам я совсем не помню.

Он толкнул, но дверь не поддавалась.

– Что-то мешает.

Калев навалился всем телом на створку, и ему удалось увеличить щель настолько, чтобы засунуть в нее голову. Заглянув внутрь, муж насторожился.

– Там кто-то лежит.

– Какой-то пьяный?

– Не могу сказать.

– И что мы теперь делать будем?

– Не знаю, – признался Калев. – Флейтиста, скорее всего, еще нет.

– Может, позвонишь этому Сантелли?

Калев нажал на звонок и Сантелли, и хозяина, но дом ответил ему тишиной.

– Надо влезть и посмотреть, может, он нуждается в помощи, – сказал он.

Муж стал протискиваться в щель, но тут Диана увидела приближающегося быстрым шагом хозяина с футляром для флейты в руке.

– Подожди, Фабиани идет!

Еще с нескольких метров флейтист крикнул на английском:

– Что-нибудь случилось? Не можете открыть?

– Да, там кто-то лежит, – ответила Диана.

– Минутку.

Флейтист подошел, запыхавшись, тоже заглянул внутрь, и неуклюже пролез сквозь щель в подъезд. Калев и Диана последовали за ним. Наверно, автоматически, зажегся свет в потолке, он был весьма тусклый, но и этого оказалось достаточно, чтобы увидеть человека, лежащего ничком на каменном полу.

– Наверно, упал, – предположила Диана.

– Наверно, – согласился Калев, и обратился к флейтисту – Кто это может быть, не знаете?

– Нет.

– Это не ваш сосед?

– Нет-нет! – уверенно проговорил флейтист. Он протянул Диане футляр для флейты. – Подержите, пожалуйста!

Затем он наклонился и с трудом перевернул лежащего на спине. Поза того внушала опасения. Чутье подсказывало Диане, что он мертв.

Калев, тем временем, обнаружил еще один выключатель. Тот оказался от лампы над дверью, которая засияла ярче первой, и при ее свете Диана вдруг поняла, что этот человек ей знаком. Правда, лицо его было в ссадинах, да и одет он был не в мундир, а в куртку – довольно дорогую, машинально отметила Диана – но его образ так четко отпечатался в памяти, что ошибиться она не могла. Без всякого сомнения, в подъезде лежал контролер. Сейчас, в этой позе, он еще больше походил на уставшего мачо. Лег отдохнуть, причем, навеки.

– Наверно, надо вызвать полицию, – сказал Калев.

– Или скорую помощь? – спросил флейтист.

– Лучше полицию.

– Вы думаете, это не несчастный случай?

– Чем бы он ни был, при насильственной смерти необходимо оповещать полицию.

– Может, выйдем? – решила вставить слово Диана. – Тут не очень приятно.

Они пролезли обратно на улицу, флейтист поспешно вытащил мобильник и стал набирать номер, а Калев и Диана

посмотрели друг другу в глаза.

– Ты его узнал? – шепнула Диана.

– Разумеется.

– И что теперь будет?

– А что может быть? – пожал Калев плечами.

– Они не могут заподозрить нас?

– Ну, для этого надо быть полными идиотами.

Может, и так, подумала Диана, но ведь мир и полон идиотов.

Флейтист, тем временем, дозвонился, поговорил и выключил мобильник.

– Они сказали, чтобы мы подождали на улице, они сейчас подъедут.

Наступило молчание. Калев явно не хотел афишировать их знакомство с мертвецом, а флейтист, кажется, не знал, о чем говорить. Диана, все еще державшая футляр, наконец решилась вернуть его владельцу, это словно вывело флейтиста из оцепенения и он спросил, как ей понравился спектакль. Диане показалось, что восторгаться в такой ситуации неуместно, и она сказала лишь, что это их любимая опера и что флейтист сыграл свое соло превосходно.

– Вы настоящий виртуоз.

Флейтист просиял, хотел еще что-то добавить, но тут послышался знакомый вой, и одна за другой подъехали две полицейские машины, и еще одна, белая, с непонятным текстом на капоте. Только представив себе, что она видит от-

ражение в зеркале, Диана догадалась, что там написано – ambulanzia[5]⁵.

Началась суэта, из машин высыпали люди, кто в белом халате, кто в штатском, кто с фотоаппаратом и штативом, кто с мешком мышьяка... то бишь с сумкой медработника... и, согласуя свое поведение с кивками, которые им раздавал Фабиани, начали протискиваться в подъезд. Последним из полицейской машины, самой большой, чуть ли не в микроавтобус величиной, вылез низкорослый, лет сорока, человек с полностью выбритым черепом, и, перед тем, как войти, подошел к ним.

– Это вы нашли труп? – спросил он у флейтиста.

Тот озадаченно посмотрел на Калева и Диану.

– Мы вместе, – вместо него ответил Калев.

Бритоголовый бросил внимательный взгляд на Калева.

– То есть, вы пришли втроем? – перешел он на английский.

Калев остался верен итальянскому.

– Нет, первыми к дому подошли мы с женой, затем наш хозяин. Но вошли все одновременно.

Бритоголовый взглянул на него с любопытством, кивнул, сказал что-то скороговоркой флейтисту и вошел в дом.

– Он попросил нас не удаляться, – передал флейтист его слова Калеву и Диане.

– Понятно. Надо дать показания.

⁵ Скорая помощь (на ит.)

И вдруг флейтист разволновался.

– Вы думаете, это убийство?

– Все может быть, – обронил Калев.

– То есть, вы предполагаете, что его где-то убили, а потом привезли сюда и затолкали в наш подъезд?

– Зачем?

Флейтист замешкался.

– Да, действительно, зачем.

И вдруг он разволновался еще больше.

– Вы предполагаете, что его убили здесь?

– Трудно сказать. Во всяком случае, когда мы пришли, дверь была не заперта.

– Значит, кто-то проник внутрь. Но зачем? Что он тут делал?! Неужели..?!

В голосе хозяина послышались панические нотки.

Калев и Диана обменялись взглядами. Они оба поняли, чего так боится флейтист.

Наконец, открылась дверь и вышел бритоголовый. Он подошел и задал несколько вопросов Фабиани, говорили они очень быстро и Диана толком не поняла, о чем, но, кажется, речь отчасти шла и о них, потому что она уловила слово «туристы».

Затем следователь, или комиссар, Диана так и не выучила, как называются в современном обществе детективы на службе у государства, обратился к ним.

– Ваши документы, пожалуйста.

Калев достал свой из кошелька, а Диана – из сумочки. Фонарь перед домом светил тускло, но комиссар вытащил карманный, щелкнул, бросил быстрый взгляд на маленькие идентификационные карточки, такие удобные по сравнению с паспортом, и спросил риторически:

– Эстония?

– Si, – ответил Калев.

Вернув документы, комиссар задал несколько вопросов, поинтересовался, во сколько они вышли из дому и где были, Калев все рассказал, не забыв упомянуть про незапертую дверь, комиссар покивал, Диане показалось, что этим допрос и ограничится, но тут бритоголовый, без всякого, впрочем, интереса, и даже с полным равнодушием, наверно, просто ради формальности, задал вопрос, которого Диана боялась с самого начала.

– Вы случайно не знаете этого человека? – и кивнул в сторону двери, откуда на носилках как раз выносили труп.

– Случайно знаем, – ответил Калев.

Оба, и комиссар, и флейтист, стоявший рядом, затарачились на него.

– И кто же он? – продолжил комиссар заинтересованно.

– Как его зовут, мне неизвестно, но я знаю, что он работает на железной дороге контролером.

Комиссар напрягся и начал прямо стрелять вопросами.

– Вы его встретили в поезде?

– Да.

– И запомнили?

– Естественно.

– Почему естественно?

– Потому что он нас оштрафовал.

– За что?

– Мы забыли прокомпостировать билет.

– Когда это случилось?

– Сегодня.

– В каком поезде?

– В региональном.

– Это я понял, откуда он шел?

– Из Венеции.

– Вы до того были в Венеции?

– Да.

– И сегодня приехали в Болонью?

– Да.

– И забыли прокомпостировать билет?

– Да.

– И он вас оштрафовал?

– Да.

– Вы сопротивлялись?

– Нет, конечно.

– Вы не поссорились?

– Нет.

– Но вы ведь турист, вы могли бы и не знать, что билет надо прокомпостировать?

– Нет, мы знали, мы не впервые в Италии.

– Но забыли?

– Да.

– Почему?

– В Венеции было наводнение, мы с трудом дошли до вокзала и были взволнованы.

– Вы сказали контролеру об этом?

– Нет, зачем?

– Может, он понял бы вас?

– Не думаю.

– Почему?

– Не тот характер.

– В каком смысле?

Калев вздохнул.

– Он из тех людей, кто получает удовольствие, когда сможет кому-нибудь нагадить.

– Откуда вы знаете?

– Это моя профессия.

– Вы психолог?

– Я писатель.

– Что вы пишете?

– Романы.

– Хорошо покупаются?

– Так себе.

– На итальянский не переведены?

– Пока нет.

– А на английский?

– Тоже нет.

Комиссар пристально посмотрел на Калева.

– Но вы все-таки обиделись на него, что он вас оштрафовал?

– Ну, немного, конечно, обиделся.

– Немного или много?

– Может, даже много.

– Столько, чтобы при случае с ним расквитаться?

– Об этом я не думал.

– Но, по вашему мнению, он оштрафовал вас несправедливо?

– Нет, почему, он имел на это право.

– Юридическое, но моральное?

– Нет, морального, конечно, не имел.

Комиссар еще раз пристально посмотрел на Калева.

– И за это вы убили его?

– Только мысленно, – ответил Калев не задумываясь.

– В каком смысле?

– Ну, я сказал себе беззвучно: «Чтоб ты сдох!»

Диана удивилась – она-то думала, что такие кровожадные импульсы свойственны только ей...

– Но так ведь и случилось? – продолжил комиссар.

– Вы считаете, что можно убить человека одной мыслью?

В голосе Калева прозвучала ирония, и бритоголовый мгновенно поменял тему.

– После поезда вы его не встречали?

– Живым – нет.

Комиссар умолк, а затем повернулся в сторону Дианы и померил ее длинным оценивающим взглядом.

– Вы подтверждаете все, что сказал ваш муж?

– Да.

– Ничего добавлять не желаете?

– Нет.

Комиссар как будто хотел задать еще один вопрос, но неожиданно передумал, подтянулся, и обратился снова к Калеву:

– Ну хорошо, сейчас поздно, но нам надо еще поговорить. Я заеду к вам завтра. В два часа подойдет?

– Мы собирались завтра посетить Модену.

– А вот это я попрошу вас не делать, – сказал комиссар быстро.

– Вы хотите взять у нас подписку о невыезде?

– Нет, что вы. – заулыбался комиссар. – Но я попрошу уважить мою просьбу. Как-никак, но мы имеем дело с преступлением. Очень может быть, что даже с убийством.

Он оглядел всех троих, и объявил:

– А теперь, пожалуйста, следуйте за мною в дом.

Диана взглянула на Калева, по виду мужа было件яно, что он догадывается, к чему эта процессия. Все машины, кроме той, огромной, из которой вылез комиссар, успели уехать, в ней неподвижно сидел водитель и слушал моно-

тонный тум-тум современной так называемой музыки.

Они вошли в дом, поднялись на второй этаж, и комиссар показал на дверь флейтиста – она была приоткрыта.

– Вы в таком виде оставили квартиру, когда уходили на спектакль?

– Нет, конечно, нет, – пробормотал флейтист. – О боже! Значит, я был прав...

Шатаясь, он вошел.

– А вы, когда выходили, не заметили, в каком положении была дверь? – обратился комиссар к Калеву.

– Специально я внимание не обратил, но, думаю, она была закрыта.

Комиссар посмотрел в сторону Дианы.

– Закрыта, – подтвердила она.

Из квартиры тем временем послышался вопль:

– «Лир»! Они украли мой «Лир»!»

Комиссар быстро вошел, Калев, не задумавшись, последовал за ним. Диана колебалась секунду, никто ее входить не приглашал – но и не запрещал, и она присоединилась к другим. В прихожей она мягко отодвинула Калева, вставшего на пороге гостиной, и взглянула внутрь. Там царил страшный беспорядок, папки и отдельные листы покрыли пол, было ощущение всемирного потопа, только не воды, а нотных бумаг, они валялись даже под роялем, стоявшем в углу. И среди всего этого хаоса на коленях стоял флейтист и рыдал:

– «Лир»! Они украли «Лир»!

Калев и Диана переглянулись.

– Пошли, – шепнул Калев.

Он взял Диану за локоть и вывез из квартиры. Последнее, что она услышала, был недоуменный голос комиссара:

– Какой лир? Лиры давно не в ходу, у нас теперь евро.

Аппетит Дианы пропал бесследно, сгнуло в небытие и возвышенное настроение, сопровождавшее их всю дорогу от театра до квартиры. Даже обсудить ситуацию не удалось, Калев замкнулся и не выказал желания побеседовать. Диана очень хотела спросить, так ли уж необходимо было информировать комиссара о штрафе, но она знала, что если муж в подобном настроении, задавать ему вопросы бесполезно, все равно не ответит. Они молча выпили чаю и почти сразу после этого легли, но Диана еще долго не могла уснуть. Калев рядом давно похрапывал, а она все вертелась и вертелась, вернее, особо даже не вертелась, так как боялась разбудить мужа, но ощущение было именно такое, что вертится. Ну и влипли же они! Конечно, их вряд ли станут обвинять в убийстве, но каких нервов это будет стоить? Чтобы забыть свои проблемы, она переключилась на других персонажей этой грустной истории. Как ни странно, она больше переживала за флейтиста, чем за контролера, она все вспоминала, какой трагический вид был у Фабиани, стоявшего на коленях среди партитур – еще бы, найти такой раритет, и почти сразу же его утратить! Контролер в Диане положитель-

ных эмоций не вызывал, и она никак не могла заставить себя посочувствовать ему. Она пожурела себя – все-таки человек погиб, чересчур жестокое наказание за какой-то штраф, хоть и не самый оправданный. Она попыталась представить жизнь контролера, подумала, что не такая уж она и сладкая – все время в дороге, в трясущемся поезде... Затем она задала себе вопрос, была ли у этого человека семья, дети? Если да, то они остались без кормильца... И все равно настоящего сочувствия в ней не возникало.

Отчаявшись от бесплодных попыток заснуть, Диана начала обдумывать версии преступления – или преступлений, все зависит от того, связаны ли между собой смерть контролера и ограбление флейтиста. Очевидно, да. Но как? Был ли контролер одним из грабителей? Если так, то, впопыхах покидая место преступления, он вполне мог поскользнуться на лестнице. Правда, партитуры у него за пазухой, скорее всего, не нашли, иначе бритоголовый утешил бы флейтиста, значит, кто-то ее взял. Но кто? Да, подумала Диана, без сообщника тут не обошлось.

Имела право на жизнь и другая версия: контролер, по какой-то причине мог явиться в дом флейтиста, застать грабителя и попытаться его остановить, за что и поплатился жизнью, но Диана мало в нее верила – как правильно сказал ее умный муж, «не тот характер». И что ему тут было делать? Тут она снова вспомнила про загадочного Сантелли, который так и не дал о себе знать, и уснула...

Проснулись они поздно, Диана, увидев, что уже светло, вскочила и отправилась мыться, а Калев остался лежать, только перевернулся на спину. Дома муж, пока Диана делала гимнастику, любил почитать в постели, он и в путешествие как будто прихватил с собой некую книгу на эстонском, но охоты ею заниматься, по всей видимости, не было, и он просто глядел в потолок.

Однако, когда Диана перешла к нанесению «боевой раскраски», из комнаты донеслась возня, а затем голос Калева:

– Я выйду на четверть часа.

– Куда? – крикнула Диана, но ответа не последовало, вместо этого хлопнула дверь.

Наверно, пошел за свежим багетом, решила она, и сосредоточилась на веках: следовало оттенить их краской, подходящей к блузке в желтых тонах, которую она собиралась надеть сегодня к оранжевому пиджаку. Она не торопилась – ванная была просторная, красивая, удобная, не то что их каморка в Таллине.

Завершив макияж и надев серьги, она вернулась в гостиную, служившую одновременно спальней и кухней – три в одном – и занялась приготовлениями к завтраку.

Калева пришлось ждать долго, он вернулся, когда стол давно уже был накрыт, осталось только заварить кофе. В руке муж держал две-три газеты.

– Воскресенье, киоски закрыты, с трудом нашел один, – объяснил он смущенно. – Да и газет мало.

– Я думала, ты пошел за багетом, – сказала Диана.

Калев, уже начавший раздеваться, застыл, одна нога голая, другая в штанине.

– Прости. Сбегать?

– Не надо, обойдемся, от Венеции еще остался кусок.

Муж быстро переоделся, сходил помыться и побриться и начал заваривать кофе. Диана, которой делать было нечего, выбрала одну из газет и пролистывала ее, надеясь найти заметку о похищении партитуры, или даже фотографию мертвеца. Калев следил за ней ревниво и даже как будто обиженно, и, когда она отложила газету, спросил:

– Ничего нет?

– Не-а. Я, по крайней мере, не нашла. Не успели, наверно.

– Очень плохо.

– Почему плохо?

– Ну, нужна же нам хоть какая-то информация.

– Ты что, собираешься сам расследовать это преступление?

– Вообще-то ни малейшего желания не имею, но, возможно, придется. Как-никак, но мы с тобой числимся в подозреваемых.

Диана затихла. Да, неприятная ситуация. Она крепко запомнила взгляд комиссара, измеривший ее с ног до головы. Он как будто раздевал ее, но не в том смысле, как это мужчины нередко делают, а словно совершая обыск.

Калев еще колдовал над джезве, и Диана решила задать

вопрос, который мучил ее со вчерашнего вечера:

– А ты не мог им сказать, что не знаешь этого человека? Контролера, ну...

– Не мог, – отрезал Калев.

Диана умолкла, хотя ей и очень хотелось спросить – почему?

Но Калев сам все объяснил, как только снял джезве с плиты.

– Видишь ли, в таких случаях надо обязательно говорить правду. Они ведь могут выяснить, что он нас оштрафовал, и что мы тогда скажем? Что забыли? Не узнали? Весьма подозрительно.

– А как они могут выяснить?

– Мало ли как. Контролер ведь спросил мой документ, возможно, записал номер. К тому же, они могут выйти на нашего соседа по поезду.

– На какого соседа? На коротышку?

– Ну да.

– Каким образом?

– В поезде установлены камеры.

– Видеонаблюдение?

– Конечно. Везде висят объявления, ты не замечала? Изучат запись, могут вполне обнаружить и перипетии со штрафом. Ну что, кофе пить будем?

И они сели за стол.

После завтрака Диана занялась мытьем посуды, а Калев принялся просматривать газеты. Много времени на это у него не ушло, уже минут через пять он презрительно швырнул стопку на кровать.

– Так ничего и нет? – спросила Диана громко, чтобы шум воды не заглушал ее голос.

– Две бесполезные заметки, настолько мелким шрифтом, что ты, конечно, и не могла заметить, – ответил Калев, тоже повысив голос.

– О чем?

– Да ни о чем. В Европе мания защиты личных данных. Даже имя этого проклятого контролера не пишут, только инициалы: Дж. Ф.

– Дж. Ф. – повторила Диана задумчиво.

Она выключила воду, чтобы спокойно обдумать информацию.

– Джино Феррари, что ли?

– Или Джакомо Ферони.

– Джулиано Ферретти.

– Джанлуиджи Фельтринелли.

– Джованни Форте.

– Джузеппе Фраскати.

Диана вздохнула.

– Красивый все-таки язык. И почему я не его пошла учить?

– Первая треть нашей жизни проходит под знаком генов и

воспитания. Собственный вкус приобретают, когда все уже решено.

– Да, ты прав. И что же делать?

Она включила воду и снова выключила.

– Калев! А ведь Фабиани тоже начинается на Ф!

– Но он же сказал, что не знает мертвеца.

– Он мог и наврать. Может, контролер – его незаконно-рожденный сын, который пришел отомстить бесчестному отцу. Только парричида обернулась для него катастрофой, свалился с лестницы[6]⁶.

– Ну и фантазия у тебя! По-моему, нам пора меняться профессиями.

Диана прыснула.

– А о чем больше пишут, об убийстве, или о краже?

Калев потянулся к кровати и взял одну из газет.

– Вот, читаю. Вчера поздним вечером в одном из домов на улице Инферно была совершена кража драгоценного художественного произведения. В том же подъезде обнаружено безжизненное тело жителя Болоньи, сорокадвухлетнего Дж. Ф... Полиция расследует, связаны ли между собой эти два происшествия.

– То есть, они не говорят, что это убийство?

– Они ничего не скажут, пока не будут точно знать.

Диана снова включила воду, смыла посуду, поставила последнюю тарелку в сушилку, сняла резиновые перчатки и

⁶ парричида (parricida) – отцеубийство (на ит.)

присела к столу.

– А кофе больше не дадут?

– Конечно, дадут.

Налив супруге кофе, Калев встал и подошел к стене с программками и фотографиями, а Диана взяла со стола следующую газету.

– В этой тоже ничего нет? Про нас ни слова?

– Как нет, есть, огромное фото с надписью – «Эстонские туристы убили оштрафовавшего их контролера».

– Калев!

Калев вздохнул, и заговорил с ней как с ребенком:

– Ну, представь, они напишут: «Полиция подозревает в совершенных преступлениях двух эстонских туристов, супружескую пару Кару». А мы – бац! и подадим на них в суд за клевету.

– Бац! – повторила Диана с удовольствием.

Диана полистала газету, надеясь найти рецензию на «Путешествие в Реймс», конечно же, ничего подобного не обнаружила, зато ей на глаза попалась огромная статья про какого-то рок-певца, и она с отвращением положила презренное издание обратно на стол.

– А ты обратила внимание на фотографии? – спросил неожиданно Калев.

– Где? В газете?

– Да нет, на стене.

Диана встала, подошла поближе и взглянула на «выстав-

ку». Да, кого только тут не было! Чуть ли не все, кто блистал на оперной сцене в начале и середине прошлого века. Она без труда узнала Джильи, Карузо, Пертиле, Бастианини, Канилью, Тебальди...

– А кого-то и нет, – сказал Калев с хитринкой.

– Кого?

– Погляди внимательно.

Диана быстро обвела взглядом фотографии.

– Каллас, что ли?

– Ну да.

– Так ей и надо, продукту пиара, – сказала Диана злорад-но.

Супруги Кару были уверены, что Мария Каллас – весьма посредственная певица, слава которой основывалась не на пении, а на рекламе. Ей не доставало школы, верхи у нее звучали пронзительно, низы – искусственно, и что главное – она вся была фальшивая, ни одной искренней эмоции, сплошное притворство.

– Значит, есть еще люди, которые это понимают, – произнес Калев с оттенком уважения.

Они вернулись к столу, допили кофе.

– А ведь мы даже не знаем, была ли у контролера семья? – вспомнила Диана мелькавшие ночью мысли.

Калев мгновенно помрачнел.

– Мы ничего не знаем, – пробормотал он и снова ушел в себя.

Надо же было мне ему напомнить, пожалела Диана, но тут муж словно очнулся и спросил: – А как насчет прогулки? До двух уйма времени.

– Давай, – согласилась Диана.

Спустившись на пиано нобиле, Диана украдкой посмотрела в сторону той, второй, квартиры, где должен был обитать некий Сантелли. Почему он не показывается? Уехал, что ли? А, может, он инвалид, сидит дома? Но в таком случае он мог слышать, что происходило в подъезде, пока супруги Кару внимали божественным звукам, которые Фабиани извлекал из своей флейты.

В квартире хозяина тоже было тихо. Спит еще, после такого шока он наверняка не мог заснуть до глубокой ночи, подумала Диана. Она посмотрела на Калева, прислушивается ли муж к тому, что творится в доме, но Калев опять замкнулся и не выказывал никакого интереса к окружающему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.